

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В СРЕДНЕСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ ЮНЕСКО

Спивак Дмитрий Леонидович

Главный научный сотрудник, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога

Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Рассмотрены ключевые проблемы и перспективы межкультурного диалога в действующей Программе работы ЮНЕСКО на 2022-2025 гг., в более общем контексте Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО (2022-2029). На фоне последовательного совмещения пяти Крупных программ и четырех Стратегических целей, выдвинутых, соответственно, в данной Программе и Стратегии, и составляющего ключевую структурную особенность планов ЮНЕСКО на действующий четырехлетний период, выявлены основные сферы развития межкультурного диалога: сохранение языков и культур малочисленных коренных народов; поддержка преподавания на родном языке и многоязычия в целом; теоретическая разработка как его коммуникативного, так и когнитивного аспекта, а также путей его сопряжения с охраной и ревитализацией культурного наследия, прежде всего путем всемерного укрепления «разнообразия наследий». Подтверждена обоснованность и целесообразность общей стратегии Российской Федерации, направленной на активное участие в деятельности ЮНЕСКО, прежде всего по ряду направлений, наиболее конструктивных для нашей страны. Сюда относится, в частности, продвижение межкультурного диалога в рамках Международного десятилетия языков коренных народов мира (2022-2032).

Ключевые слова. *Межкультурный диалог, культурное многообразие, культурное наследие, инклюзивное развитие, стратегия ЮНЕСКО, государственная культурная политика.*

Межкультурный диалог неизменно относится к числу безусловных приоритетов ЮНЕСКО в течение почти 80 лет, прошедших со дня ее основания. Его ключевые аспекты уже нашли достаточно полное отражение в целом ряде работ, изданных как в нашей стране, так и за рубежом. Вместе с тем, с ходом времени, понимание данного сложного понятия, равно как способы его сочленения с другими базовыми для ЮНЕСКО концептами, претерпевали известные изменения. Так обстоит дело и со Среднесрочной стратегией указанной международной организации, рассчитанной на 2022-2029 год, к концу первого четырехлетнего периода выполнения которой ЮНЕСКО приближается в настоящий момент. В задачу настоящей статьи входит анализ как основных черт концепции межкультурного диалога, проводимой в работе ЮНЕСКО, так и особенностей, присущих ей на современном этапе.

«В качестве специализированного агентства [Организации – Д.С.] Объединен-

ных Наций, ЮНЕСКО, в соответствии со своей Конституцией, способствует утверждению мира, устранению нищеты, устойчивому развитию и межкультурному диалогу, посредством образования, науки, культуры, коммуникаций и информации», – так звучит формулировка миссии ЮНЕСКО, содержащаяся в первом же разделе Среднесрочной стратегии (который, кстати, так и называется – «Наша миссия») [1, с.11] (здесь и далее перевод с английского выполнен автором настоящей статьи). В качестве комментария к приведенной формулировке, следует заметить, что термин «межкультурный диалог» в Конституции ЮНЕСКО, принятой в 1945 году, и потом корректировавшейся на более чем двух десятках сессий ее Генеральной конференции, как раз не было [2].

Вместе с тем, близкие по духу формулировки там были. К примеру, в разделе, посвященном «Целям и функциям» новооснованной организации, составители Конституции ЮНЕСКО сразу же указали, что достиже-

ние ключевых целей указанной организации возможно лишь при условии сотрудничества всех «народов мира, безотносительно к их расе, полу, языку и религии» (I:1). В следующем пункте Конституции, указано, что к числу своих важнейших задач она будет относить «продвижение взаимного познания и понимания народами» (II:a). Ключевые понятия этой формулировки, в свою очередь, повторяют особо подчеркнутый в тексте Преамбулы тезис о том, что ЮНЕСКО планирует использовать находящиеся в ее распоряжении ресурсы для продвижения «взаимного понимания [народов – Д.С.] и более правильного и совершенного понимания ими жизни друг друга». Таким образом, речь здесь идет о передаче другими словами той же, весьма схожей интуиции, направленной на установление и укрепление мирного, равноправного диалога между народами.

Надо сказать, что наличие такого, более общего тренда, постоянно присутствующего на более глубоком плане, нежели тот, на котором даются, а потом выводятся из обращения, более или менее удачные термины, в общем и целом вполне присуще ЮНЕСКО. Как отмечалось еще в тексте Плана действий Международной Декады сближения культур (2013-2022), в работе ЮНЕСКО в разное время активно использовались «ключевые концепты и термины, применяемые в системе ООН, для обсуждения общей цели достижения мира – такие, как «толерантность», «культура мира», «единство в многообразии», «межкультурный и межрелигиозный диалог», «сближение культур», и т.д.» [3, p.12]. На современном этапе, наибольшей частотностью в релевантных документах ЮНЕСКО обладает термин «межкультурный диалог». Прочие термины применяются в модифицированном виде (например, «толерантность» встречается чаще всего в контексте сложного терминологического сочетания «борьба против интолерантности»), третьи временно выведены из обращения, что, вообще говоря, составляет предмет особого анализа. Более полное представление о структуре и содержании концепта межкультурного диалога можно составить по целому ряду посвященных ему публикаций как в отечественной [4]-[7], так и в зарубежной литературе [8]-[11].

Базовая структура Среднесрочной стратегии 2022-2029 представляется весьма строгой. Она разделяется на 4 предметных поля, которые можно самым общим образом определить как: образование, экологию, со-

циум и технологии (в первую очередь, цифровые). В рамках каждого из этих полей проведена достаточно подробная разработка ключевых для него концептов. Что касается концепта межкультурного диалога, то он наиболее подробно разработан в рамках третьего, сосредоточенного на социальных проблемах, раздела Стратегии. Нам уже довелось посвятить особую работу основным чертам структуры и содержания данного нормативного документа [12], что позволяет нам обратиться в настоящей статье к углубленной разработке ее более краткосрочного, четырехлетнего аспекта.

Дело состоит в том, что принятый в самом начале выполнения Стратегии, восьмилетний горизонт планирования, был сразу же разделен на два четырехлетних периода. В настоящее время, подходит к концу третий год выполнения первого из этих четырехлетних планов, что предоставляет возможность оценить и, если нужно, корректировать процесс воплощения в жизнь Стратегии в целом. В базовом тексте Стратегии, оба указанных горизонта планирования соединены довольно простым образом: в рамках каждого предметного поля определена Стратегическая цель, достижение которой рассчитано на восьмилетний период, и несколько Итоговых результатов, степень достижения которых подлежит предварительной оценке уже в конце первого четырехлетия. Например, Стратегическая цель 3 («Построение инклюзивных, справедливых и мирных обществ путем продвижения свободы выражения, культурного многообразия, образования для глобального гражданства и защиты наследия») предполагает достижение трех Итоговых результатов, а именно: защиты и продвижения культурного наследия (Результат 5), обеспечения свободы выражения и доступа к информации (6), обеспечения инклюзивного развития (7).

Ключевая особенность планирования на четырехлетнем уровне состоит в том, что в нем поставлена и, надо сказать, довольно последовательно проведена задача включения в ткань Стратегии еще одного, весьма важного для ЮНЕСКО, модуля работы – а именно, ее разделения на пять Крупных программ. Указанный тип программ включает в себя пять предметных областей – «Крупную программу I – Образование», «II – Естественные науки», «III – Общественные и гуманитарные науки», «IV – Культура», «V – Коммуникация и информация», в рамках каждой из которых ведется весьма активная работа.

Наиболее логичным образом сочетания обоих типов предметных областей (то есть четырех Стратегических целей и пяти Крупных программ) было бы построение матрицы размерностью 4x5, где каждая клетка представляла бы ключевой модус сочетания одной Стратегической цели с одной Крупной программой. Однако эксперты ЮНЕСКО пошли в этом отношении особым путем. Выполнение каждой из Крупных программ было осмыслено как достижение ряда Промежуточных результатов, каждый из которых соотносился далее с релевантными ему Итоговыми результатами (каждый из которых мог принадлежать любой Стратегической цели). Получившиеся в итоге, довольно сложные схемы, составили весомую часть содержания особого документа – Программы 2022-2025 года. К настоящему времени, в открытом доступе находится только первая часть этого документа, в которой наиболее подробно разработана наиболее краткий, двухлетний горизонт планирования (2022-2023 гг.) [13]. Вторая двухлетняя часть затронута более фрагментарно (хотя по каждой Крупной программе выделен особый раздел, озаглавленный «Фокусы на 2022-2025 гг.»). В силу принципиальной изоморфности двухлетних этапов планирования, это позволяет надеяться на то, что данная публикация позволит нам восстановить основные особенности в трактовке концепта межкультурного диалога с достаточной степенью точности на период вплоть до 2025 года.

В рамках Крупной программы I («Образование»), проблематика межкультурного диалога появляется в двух основных видах. Первый из них состоит в защите прав коренных народов, прежде всего по линии сбережения их культуры и языка. Второй сводится к поддержке преподавания на родном, а также национальном языке, и к поддержке многоязычия в целом (подробнее см. Промежуточный результат 1.ED1:01022). Как видим, о полномасштабном продвижении межкультурного диалога в данном разделе речь не идет. Впрочем, выделенные нами два обстоятельства представляют собой полезное дополнение к тексту Стратегической цели 1 (Образование) Среднесрочной стратегии, где, как известно, никакого упоминания ни о языках коренных народов, ни о многоязычии не содержится.

В тексте Крупной программы II («Естественные науки»), основной фокус направлен на охрану и сбережение гео- и био-

разнообразия. Впрочем в одном случае особо оговорено, что такая линия позволяет достичь не только прямых, но и более отдаленных целей, к которым отнесены Цели устойчивого развития, а также «культура мира и диалога» (Промежуточный результат 4.SC4/4.SC5:02014). В целом же фокус снова направлен на поддержку культуры коренных народов. Так, в тексте Промежуточного результата 4.SC4/4.SC5:02011, мы находим положение об особой конструктивности в деле охраны природы так называемого «сотрудничества в производстве знания» ('knowledge co-production'), в котором есть две стороны – система знаний коренных народов, и наука (ср. также Промежуточный результат 4.SC4/4.SC5:02049).

Все выделенные выше положения присутствуют в тексте Стратегической цели 2 Среднесрочной стратегии, хотя и в несколько ослабленном виде. К примеру, составители Стратегии избегают прямого приравнивания роли знания коренных народов и науки, предпочитая скорее говорить о значении знаний и практик коренных народов, составляющих весомую часть «живого наследия» (а, следовательно, и нематериального культурного наследия) (II:49).

В рамках Крупной программы III («Общественные и гуманитарные науки»), ключевая целевая установка состоит в снижении конфликтного потенциала в обществе, и налаживании конструктивного взаимодействия между составляющими его слоями и группами. В этих условиях, значение межкультурного диалога трудно переоценить. Действительно, в тексте одного из Промежуточных результатов Программы дано весьма четкое определение межкультурного диалога, как одного из основных инструментов налаживания мирного, инклюзивного взаимодействия в обществе (7.SHS1:04023). Более того, в одном месте Программы проводится различие между межкультурным взаимопониманием и межкультурным взаимодействием (см. Преамбулу к Крупной программе III, раздел I:a:viii). Таким образом, вводится принципиально важное для теории межкультурного диалога различие когнитивного и коммуникативного аспектов межкультурного диалога.

Данная часть Программы хорошо соотносится с текстом Стратегической цели 3 Среднесрочной стратегии. В тексте указанной цели, отмечена краеугольная роль межкультурного диалога для проведения в жизнь планов ЮНЕСКО, а также намечена развертка на

знания и навыки, а также ценности, установки, стереотипы поведения, что также вполне соответствует современным научным представлениям (II:58-59).

В тексте Крупной программы IV («Культура»), приоритеты расставлены в точном соответствии с традициями ЮНЕСКО. Во вводной части, повторены программные для данной организации тезисы о ключевой роли культуры для достижения Целей устойчивого развития, подчеркнута непреходящее значение «шести великих конвенций ЮНЕСКО» по культуре, особо выделен потенциал сочетания элементов креативной экономики и культурного наследия. Последнему в тексте Крупной программы IV уделено весьма значительное место, при этом подчеркнут немалый потенциал «многообразия наследия» ('diversity of heritage').

Указанный сложный концепт представляет собой заметную инновацию для стратегического планирования ЮНЕСКО. Она была включена в текст Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО впервые лишь в 2022 году; в предшествовавшей ей Стратегии 2014-2021 года, такого понятия не было. Автору уже довелось посвятить несколько работ анализу фундаментального содержания данного концепта [14], [12]. Они уже встретили весьма позитивный прием как в научном, так и в экспертном сообществе ЮНЕСКО: так, ссылка на первую из указанных в сноске статей была сразу же размещена на официальном сайте ведущей по данному направлению Международной сети кафедр ЮНЕСКО / ЮНИТВИН [15]; вторая была позитивно оценена руководством Координационного комитета кафедр ЮНЕСКО РФ, и включена в официальную рассылку данного Комитета по профильным кафедрам ЮНЕСКО.

Не повторяя аргументацию обеих представленных статей, коротко остановимся на их ключевых выводах. По нашему мнению, при понимании концепта «многообразия наследия» целесообразно различать два уровня анализа. На первом, более поверхностном уровне, мы видим стремление к объединению (или, по крайней мере, к пересечению) двух предметных областей, которые до этого развивались почти независимо друг от друга. Мы говорим, конечно, о теории культурного наследия и теории межкультурного диалога. Смысл сочетания состоит в том, что в межкультурный диалог вступает не «голый человек на голой земле», а люди, каждый из которых располагает собственным культурным

наследием, с присущими ему нормами, ценностями и стереотипами поведения (в том числе, и ведения межкультурных контактов). Это наследие представляет собой не бремя, но драгоценный ресурс, потенциал которого и должен быть задействован при межкультурном взаимодействии. Как следствие, «диалог культур» с необходимостью превращается в «диалог наследий», а культурное многообразие – в «многообразие наследий».

На втором, более глубоком уровне, указанная теоретическая инновация может рассматриваться в контексте разворачивающегося в настоящее время более широкого, парадигматического сдвига от мультикультурализма – к интеркультурализму. Суть его состоит в том, что вместо поддержки и продвижения равноценности статичных этноконфессиональных культур, существующих в изобилии в рамках любого мегаполиса, отношения между которыми становятся все более напряженными, нужно переходить к активному взаимодействию с небольшими группами в рамках таких культур, склонных к налаживанию динамичных межкультурных контактов, и нередко уже их инициировавших. Как заметил один из авторитетных современных теоретиков Г. Дитц, «если мультикультурализм проводит прямое действие и меры по позитивной дискриминации для того, чтобы наделить властью определенные общественные группы, то интеркультурализм инициирует сдвиги в самой природе отношений между такими группами, что подразумевает не только наделение властью определенных групп, но и перестройку установок большинства, а также продвижение встречных процессов идентификации между исторически привилегированными группами, и группами, исторически оттесненными» [16, p.2].

Следует предполагать, что сдвиг к новой, интеркультурной парадигме вызовет особый интерес и понимание у российской научной общественности. Напомним, что новое обращение к традиционным ценностям, как «человеческому измерению» культурного наследия, составило основной тренд государственной культурной политики нашей страны. Он уже нашел себе отражение в ряде нормативных документов, принятых в последние годы, от «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022) – до «Основ государственной политики РФ в области ис-

торического просвещения» (2024), и продолжает укрепляться.

В заключение рассмотрения Крупной программы IV, отметим, что задача поддержки культуры коренных малых народов нашла себе место и здесь. К примеру, в разделе, посвященном разработке глобальных приоритетов ЮНЕСКО, особо оговорено, что интеграция в программы данной организации «знания коренных народов и практик нематериального культурного наследия», с тем, чтобы сообщить соответствующим сообществам большую устойчивость (resilience). Последняя категория, кстати, стала все шире употребляться в последнее время в документах ЮНЕСКО. Рассмотрение причин этого составляет тему особого рассмотрения.

В рамках Крупной программы V («Коммуникация и информация»), планирование разворачивается по двум наиболее приоритетным направлениям: развитие средств массовой информации, и освоение инновационных технологий, в первую очередь, средств цифровизации. В отношении первого, более традиционного для программ ЮНЕСКО, направления, особо выделена задача поддержки и упрочения языкового разнообразия – прежде всего, применительно к малым и коренным народам. В отношении второго, сформулирован весьма важный тезис: «Цифровая трансформация усугубила и создала новые формы эксклюзии, оказавшей непропорционально большое воздействие на сообщества, уже подвергшиеся маргинализации» (5.C11:06024).

Отсюда прямо следует, что для поддержки позитивной (а именно, инклюзивной) роли цифровизации и, как можно понять, новых технологий в целом, необходимо включить их в сферу межкультурного диалога. В основном тексте Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО, такого тезиса не было, однако в тексте Программы, он появился: «Новые технологии и онлайн-платформы предоставляют возможности для свободного выражения, доступ к масс-медиа и межкультурному диалогу, и для активного участия граждан в развитии своих сообществ» (8.C15:06066). Как видим, и в данной области подчеркнута краеугольное значение межкультурного диалога для достижения наиболее приоритетных целей ЮНЕСКО.

В заключение настоящей статьи считаем нужным коснуться трудного. Однако необходимого вопроса. Он состоит в том, следует ли российская часть ЮНЕСКО стра-

тегическим установкам и рекомендациям этой организации в тех условиях, когда ее руководство предприняло ряд недружественных по отношению к нашей стране шагов, прежде всего в последние два года, в связи с проведением специальной военной операции. Нужно сказать, что позиция Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО была выработана и представлена широкой общественности с самого начала событий на Украине, и после этого лишь уточнялась и дорабатывалась. Суть ее состоит в том, что потенциал сотрудничества России с ЮНЕСКО остается весьма значительным, поэтому ее нужно не передавать нашим недругам, а напротив, активно отстаивать.

Как отметил председатель Комиссии по делам ЮНЕСКО, министр иностранных дел нашей страны С.В. Лавров в недавнем выступлении на открытии выставки, посвященной 70-летию вступления Советского Союза в эту международную организацию, «наша общая со странами мирового большинства задача – сохранить наработанные десятилетиями механизмы сотрудничества. Объединив усилия, мы сможем преодолеть нынешний кризис и вернем ЮНЕСКО на путь содействия профессиональному и взаимовыгодному диалогу» [17].

Естественно, что сказанное касается только тех направлений работы и программ, где сохранился потенциал конструктивного, взаимовыгодного сотрудничества. Переходя к их рассмотрению, С.В. Лавров почти сразу по ходу своего выступления заметил, что, «обладая уникальным опытом в языковой политике, наша страна занимает ведущие позиции в реализации программы Международного десятилетия языков коренных народов мира в 2022-2032 гг.». Нужно отметить глубокую верность этого замечания. С одной стороны, наша страна выступила одним из ключевых организаторов этой Декады и провела в самом ее начале Международную конференцию, собравшую представителей более 40 стран мира. Одним из итогов работы этого представительного международного форума стала Московская декларация о сохранении языков, принятая на нем.

Немного позже по времени, ближе к концу 2022 года, руководитель Федерального агентства по делам национальностей И.В. Баринов представил Московскую декларацию на Мероприятии высокого уровня в ЮНЕСКО, посвященном открытию Международного десятилетия языков коренных народов.

Как было отмечено в его выступлении, «для Российской Федерации, как одной из самых многоязычных и многоязычных стран мира, сохранение и развитие языков и народов – это долгосрочный и абсолютный приоритет государственной политики, закрепленный Конституцией» [18]. Впрочем, может ли быть иначе в стране, где в системе образования изучается 74 языка, на 50 из них ведется радио- и телевидение? Ответ на этот вопрос представляется нам очевидным, так же, как исключительное значение, придаваемое у нас межкультурному и межнациональному сотрудничеству и сближению.

С другой стороны, признание значимости Международного десятилетия языков коренных народов проходит красной нитью по тексту как Среднесрочной стратегии ЮНЕСКО на 2022-2029 гг., так и конкретизирующей ее, применительно к первому четырехлетию проведения в жизнь, Программе на 2022-2025 гг. Ближайший контекст при этом, как правило, составляет поддержка многоязычия в целом, и языков коренных народов – в частности, а более общий – продвижение межкультурного диалога (см. разделы II:54, II:59 Стратегии, и V:5.C11, 06.004).

Как следствие, проведение в жизнь целевых установок Международной декады языков коренных народов мира (2022-2032) стало в настоящее время площадкой конструктивного взаимодействия нашей страны с ЮНЕСКО, включающего в качестве неперемennого условия и задействование элементов межкультурного диалога. Отметим, что одной площадкой наше взаимодействие не ограничивается; их подробное рассмотрение входит в задачу особой работы.

На основании сказанного, следует сделать следующие ключевые выводы:

1. Структурную основу планирования деятельности ЮНЕСКО на действующий период 2022-2025 гг. составляет совмещение базового для Среднесрочной (восьмилетней) стратегии данной организации (2022-2029) планирования по четырем предметным обла-

стям / Стратегическим целям, с базовой для четырехлетней Программы ЮНЕСКО (2022-2025) разверткой по пяти Крупным программам. Усложняя как построение планов, так и оценку их выполнения, данный прием позволяет охватить сферы культуры, образования и науки с удовлетворительной степенью полноты и детализации;

2. Межкультурному диалогу придается ключевое значение при разработке всех пяти разделов действующей (четырёхлетней) Программы ЮНЕСКО (2022-2025). При этом наибольшее значение сбережению и ревитализации языков и культур коренных малочисленных народов, прежде всего в контексте Международного десятилетия языков коренных народов мира. Существенное значение придается продвижению преподавания как на родном, так и национальном языке, а также поддержке многоязычия в целом. Что касается теории межкультурного диалога, подтверждена конструктивность различения его когнитивного и коммуникативного аспектов, а также включения в инновационную сферу «разнообразия наследия»;

3. На основании анализа программных документов ЮНЕСКО как на действующий четырехлетний, так и на более перспективный, восьмилетний период, следует утверждать, что проводимая представителями нашей страны в ЮНЕСКО линия на отстаивание ключевых для российской цивилизации установок и ценностей является обоснованной и конструктивной. В области межкультурного диалога, наибольшим потенциалом в сфере развития межкультурного диалога приобретает активное участие в воплощении в жизнь целевых установок Международного десятилетия языков коренных народов мира (2022-2032).

Автор рад выразить благодарность председателю Российского координационного комитета кафедр ЮНЕСКО В.К. Егорову за постоянную доброжелательную поддержку его работы.

Список использованных источников и литературы

1. Medium-Term Strategy 2022-2029. 41 C/4. – Paris: UNESCO, 2022. 38 p.
2. Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization // UNESCO Basic Texts. – Paris: UNESCO. 2022. P.5-20.
3. Action Plan. 2013-2022 International Decade for Rapprochement of Cultures (2013). – Paris: UNESCO, 2013. 93 p.
4. Межкультурный диалог в современном мире / Ред. В.И. Фокина. – Казань: Бук, 2018. 197 с.

5. Хачикян Е.И., Непарко М.В. Роль ЮНЕСКО в развитии межкультурных компетенций и обеспечении межкультурных диалогов // Проблемы современного педагогического образования. Вып. 68, ч. 2. – Ялта: Гуманитарно-педагогическая академия, 2020. С.367-37.
6. Бузский М.П., Брусиловский Д.А., Мещерякова Я.В., Ангел О.В. Межкультурные коммуникации в развитии современного мира // Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 3-15.
7. Помигуева Е.А. Межкультурный диалог в условиях современного полиэтничного образования // Современные наукоемкие технологии. 2018. № 12-1. С. 220-224.
8. Bokova I., Kulich S. Intercultural dialogue and cooperation internationally: Reviewing 75 years of UNESCO's contributions // Journal of Intercultural Communication and Interactions Research. 2021. No.1(1). P.25-54.
9. Deardorff D. Manual for developing intercultural competencies. Story circles. – Paris: UNESCO, 2020. 101 p.
10. Mansouri F., Elias A. The intercultural dialogue index (ICDI): An index for assessing intercultural relations // Social Indicators Research. 2021. No. 155. P.411-453 (DOI: 10.1007/s11205-021-02616-8).
11. Dasli M. UNESCO guidelines on intercultural education: a deconstructive reading // Pedagogy, Culture and Society. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 215-232 (DOI: 10.1080/14681366.2018.1451913).
12. Спивак Д.Л. Диалог наследий в культурной стратегии ЮНЕСКО // Культурологический журнал, 2023, №2 (52) (URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/614.html&j_id=56, дата обращения: 30.07.2024).
13. 2022-2025. Approved Program and Budget. First Biennium 2022-2023. 41 C/5. – Paris: UNESCO, 2022. 342 p.
14. Spivak D.L. Intercultural dialogue in UNESCO new medium-term strategy // International Journal of Cultural Research. 2022, No. 1 (46). P.111-125 (DOI: 10.52173/2079-1100_2022_1_111).
15. Intercultural dialogue in UNESCO new medium-term strategy // URL: Intercultural Dialogue in UNESCO New Medium-Term Strategy | UNESCO-UNITWIN IDIU, дата обращения: 30.07.2024.
16. Dietz G. Interculturality // The International Encyclopedia of Anthropology. NY: John Wiley and Sons, 2018 p.1-19 (DOI: 10.1002/9781118924396.wbiea162 (URL: Sci-Hub | Interculturality. The International Encyclopedia of Anthropology, 1–19 | 10.1002/9781118924396.wbiea1629, дата обращения: 30.07.2024).
17. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе открытия выставки, посвященной 70-летию вступления СССР в ЮНЕСКО, Москва, 22 апреля 2024 года (URL: Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе открытия выставки, посвященной 70-летию вступления СССР в ЮНЕСКО, Москва, 22 апреля 2024 года – Министерство иностранных дел Российской Федерации (mid.ru), дата обращения: 30.07.2024).
18. Выступление руководителя ФАДН России И.В.Баринова на мероприятии высокого уровня в ЮНЕСКО, посвященном открытию Международного десятилетия языков коренных народов (URL: Выступление руководителя ФАДН России И.В.Баринова на мероприятии высокого уровня в ЮНЕСКО, посвященном открытию Международного десятилетия языков коренных народов (mid.ru), дата обращения: 30.07.2024).

INTERCULTURAL DIALOGUE IN UNESCO MEDIUM-TERM STRATEGY

Spivak D.L.

Basic problems and prospects of intercultural dialogue in actual Program of UNESCO activities (2022-2025) are regarded against general background of UNESCO Medium-Term Strategy (2022-2029). Main directions in development of intercultural dialogue are presented in the framework of intersection of five Major Programmes, and four Strategic Objectives, forming main peculiarity of UNESCO planning for actual four-year period. These directions are: protection of languages and cultures of indigenous peoples, promotion of multilingualism and learning through mother tongues and national languages; theoretical elaboration of both its cognitive and communicative aspects; and ways of its linking with preservation and revitalization of cultural heritage, primarily in the framework of 'diversity of heritage'. Validity and expediency of general strategy of Russian Federation, consisting in active partaking in UNESCO activities, pri-

marily those constructive for this country, are affirmed. Promotion of intercultural dialogue, primarily in the framework of International Decade of Indigenous Languages (2022-2032), belongs to this kind of activities.

Keywords. Intercultural dialogue, cultural diversity, cultural heritage, inclusive development, UNESCO strategy, state cultural policies.

Спивак Дмитрий Леонидович, 2024